ИВАНЪ ЛАПОТНИКЪ.

СКАЗКА.

—

«Слава–те, Господи! вотъ и лыкъ надралъ!» молвилъ Иванъ Лапотникъ, вошедши въ избенку свою, которая стояла на краю села и сама, какъ облупленная липка, безъ двора, безъ плетня, безъ забора, да чуть ли и не безъ кровли. Иванъ Лапотникъ былъ убогъ и голъ: бывалъ когда–то хлѣбецъ, да градъ побилъ, раннимъ снѣгомъ придавило, дождями поваляло — а тамъ еще и мха напала; послѣднюю краюху самъ съѣлъ, а сѣмянъ на посѣвъ и не осталось ни зерна. Была–таки когда–то и скотинка, да падежъ повалялъ, волки порѣзали, калмыки украли да въ сухомятку поѣли — а послѣднюю яловку прикащикъ, за подушное, со двора согналъ. Прикащикъ этотъ говорилъ такъ:

«не подой козы, молока не дастъ; не выстриги овцы, она шерсти не дастъ, хоть и сама, лѣта краснаго дождавшись, станетъ походя ронять ее клочками, а уже на дворъ къ тебѣ ее не принесетъ.» И таки не–гдѣ правды дѣвать: надъ Иваномъ Лапотникомъ сбылось тоже: поколѣ было у него что, такъ бывало все только холится, да почесывается; бывало коли въ ворота кто по вечеру стукнетъ, такъ не слѣзая съ печи, жену посылаетъ: поди отопри; а какъ только облупили его кругомъ, что липку, такъ пошелъ и онъ лупить, драть лыку, да плести лапотки, и сдѣлался человѣкъ–источникъ и художникъ на ремесло, котораго прежде и въ глаза не видалъ и въ рукахъ не держалъ. Бывало двойные лапотки съ поднарядцемъ сваляетъ, такъ–что твои чеботы строченые! И перебивается нашъ Иванъ себѣ съ ломтя на ломоть, и кормилъ и себя и старуху свою.

«Слава–те, Господи,» молвилъ онъ, кинувъ беремя лыкъ на полъ, «вотъ и лыкъ надралъ! Старуха, да что же ты стоишь, словно въ гости пришла, не поглядишь, не

порадуешься? говори: слава Богу, хозяинъ лыкъ надралъ!»

Хозяйка его была старуха богомольная, знала святцы не хуже дьячка инаго, и, при всей бѣдности своей, пасхи безъ кулича, а масляны безъ блиновъ не проводила: въ среду средокрестной недѣли пекла изъ постнаго, здобнаго тѣста кресты; а уже коли не было мучицы ни крупинки, такъ хаживала печь ихъ къ сосѣдкамъ; тожъ и четвертковую соль не позабывала пережигать съ квасною гущею; а кутью готовила не только въ рождественскій сочельникъ, но и въ одну изъ великихъ субботъ; а въ память Ѳеодора Тирона всегда варила колево, сирѣчь, кутью пшеничную. Она, старуха, на этотъ разъ, когда старикъ пришелъ домой съ лыками, готовила, разжившись съ легкой руки, законныя поминки сорока мученикамъ, которымъ празднуютъ, какъ извѣстно, 9–го марта. Старуха катала здобное тѣсто на конопляномъ маслѣ, выгадывала да выкраивала изъ него 40 жаворонковъ, и пестрила ихъ ключемъ, наперсткомъ, не то

гребнемъ — ужъ не тѣмъ гребнемъ, что въ банѣ космы расчесываютъ, а тѣмъ что ленъ чешутъ. Ей было не до старика, старухѣ, а онъ тутъ привязался съ лыками. «Отойди, старый», молвила она, «надралъ, такъ надралъ; такъ садись ступай, да плети лапти, да неси на базаръ, припасай копейку на Святую: надо сандалу купить, да шафрану, да инбирю.»

Старикъ проворчалъ что–то про себя, а самъ таки принялся за кочадыкъ. Старуха все возилась съ жаворонками: катала, мѣсила, пестрила, сажала, наконецъ вынула ихъ — слава Богу! не подгорѣли жаворонки, дошли, доспѣли, зарумянились, и поглядѣть, такъ лакомо, хоть заразъ по мученикамъ поминки твори!

«Старикъ! а старикъ! что же ты, знай сидишь да сопишь, лапти свои ковыряешь, а сюда не глянешь? Слава те Господи, я съ жаворонками–то управилась! вишь какіе!»

— Некогда, — отвѣчалъ старикъ; — а я тѣмъ часомъ лапоть сплелъ и подъемъ повершилъ, и концы схоронилъ; — скажи–ка ты: слава–те Господи, лапоть поспѣлъ.

«Ну, поспѣлъ, такъ поспѣлъ, такъ берись за другой.»

— Примусь я и за другой, — молвилъ старикъ, — да ты скажи сперва Господу Богу спасибо и за этотъ; скажи же по моему: слава те Господи, лапоть поспѣлъ!

Старуха зартачилась. «Плети», говоритъ, «ты знай свое, а я свое.» Старика взяла досада; съ чего старуха моя задурила? — Аль ты, — отъ крестной силы отреклась, что не хочешь Бога помянуть за насущное пропитаніе наше? И пришелъ я давича, такъ не хотѣла слава Богу вымолвить, и работу покончилъ, тоже да тоже! Старуха! промолви: слава Богу, коли не хочешь, чтобъ я разсерчалъ на тебя!

«Отвяжись ты отъ меня!» сказала старуха. — Коли такъ, — молвилъ мужикъ, — вотъ тебѣ крестъ, и образъ еще сыму пожалуй, не примусь я за работу, поколѣ не скажешь ты, чего хочу: — и закинулъ лапоть подъ лавку, колодку подъ кутникъ, кочадыкъ на полати.

И пошла война у старика со старухой: крикъ, шумъ, ссора, споры. «Берись,

старый хрѣнъ, за работу!» — Говори; старая карга, слава Богу, лапоть поспѣлъ! — «Нѣтъ, не хочу; поспѣлъ, такъ поспѣлъ, такъ берись, знай, за другой; объ одномъ лаптѣ ходить не станешь.» — Ну, не скажешь слава Богу, не берусь за работу, хоть и ты треснешь, и самъ я издохну голодомъ. Скажешь, что ли? — «Нѣтъ, не скажу.» Старикъ, за–словомъ, протянулъ руку, поймалъ бабу свою за волосы — и на что, скажите, бабы эти подъ платкомъ, подъ повязкою, космы отращиваютъ? — поймалъ старуху за косы: «у тебя», говоритъ, «волосъ дологъ, да умъ коротокъ — говори: слава Богу!»

Старуха наша была и подъ старость таки голосистаго десятка; а бывало въ молодыя лѣта, какъ упретъ руки въ боки, глаза въ потолоки — такъ хоть святыхъ вонъ понеси; а грѣшникамъ живымъ, такъ и вовсе житья нѣтъ: бѣги очертя голову! Бывало любое стадо гусей перекричитъ; изъ конца села въ конецъ съ кумой да со свахой здоровается, да еще и не больно шибко кричитъ; а на этотъ разъ, по первому земному поклону,

который нехотя она положила, когда сожитель потянулъ ее и пригнулъ за косы — взвизгнула и залилась соловьиными перекатами, такъ, что всѣ сосѣди, шабры, какъ говорятъ въ понизовыхъ земляхъ нашихъ, сбѣжались на шумъ и крикъ; тутъ пришелъ и прикащикъ; — пришла, — неужели дѣло безъ нея обойдется? — пришла, прибѣжала и прикащица, бойкая бабенка, изъ дворовыхъ дѣвокъ, что выдана была бариномъ за прикащика, и приданое тожъ, сказываютъ, пошло съ нею отъ барина же. — Стариковъ розняли, допросили: и шумъ и крикъ и драка о томъ, что хозяйка не хочетъ поблагодарить Бога за то, что у мужа работа съ рукъ идетъ! Принялись сосѣди соромить старуху — куда! и приступу нѣтъ: заговоритъ любова, забросаетъ рѣчами, чуть съ ногъ не сшибетъ. И принялся усовѣщивать ее самъ прикащикъ, великій и словоохотный краснобай, который былъ четверти на полторы повыше люду мірскова, сиживалъ прежде съ крючкомъ за стойкою, ходилъ нынѣ въ полутонкомъ кафтанѣ,

подпоясывался сыромятнымъ ремнемъ съ пряжкою, на которомъ всегда висѣлъ огромный нутреной ключъ отъ амбара. «Оба луки, оба туги», сказалъ онъ избоченившись, «оба круты, оба глупы; оба упрямы; въ рукахъ не бывали! А ты не знаешь, Евстигнѣевна, что ты раба его, ребро его, а онъ повелитель твой; помнишь ли ты, что подъ вѣнцомъ тебѣ отецъ говорилъ? Аль дурью голову позасорило, да путное повытрясло изъ нея вовсе? Упрямая овца волку корысть; а тебя, Евстигнѣевна, сатана на расправу потянетъ! Велико, вишь, дѣло, молвить: слава–те Господи старикъ лапотки сплелъ! Аль и подлинно ты отъ креста святаго отреклася?»

— Чего вамъ отъ меня, окаянные? — залилась Евстигнѣевна, — собирая волосы, да повязывая платокъ свой, — чего вамъ? Отвяжитесь, собаки, не скажу ничего; не скажу ему: слава Богу, скажу: чортъ унеси душу его!

Такъ говорила старуха наша, и говорила еще хуже этого. Какъ тутъ быть? Прикащикъ, наслышавшись довольно отъ

барина своего, что примѣръ самый благой самоучитель — а баринъ, никакъ, помнилъ наставленіе это еще съ тѣхъ поръ, какъ писалъ его въ школѣ по прописи, при чемъ его и палями кормили и на песокъ ставили, — вѣрный прикащикъ, слышавъ отъ барина каждый день, что примѣръ соблазняетъ, примѣръ наставляетъ, обратился ни мало не медля къ дражайшей половинѣ своей, къ ребру своему, и молвилъ: «Вотъ, Евстигнѣевна, и Бога гнѣвишь, и противъ мужа грѣшишь, и людямъ досаждаешь, а все изъ–за пустяковъ такихъ, что слушается, да не вѣрится! Погоди, не шуми, не метайся, слушай, что я говорю: вотъ тебѣ хозяйка моя, для ради примѣра и добраго приклада, скажетъ напередъ, а ты скажи за нею слѣдомъ: слава Богу, мужикъ лапотки покончилъ — да и Богъ съ вами, и грядите съ миромъ. Скажи же, Аннушка, для ради добраго примѣра, скажи: слава–те Господи, мужикъ лапотки сплелъ!»

— Это въ какую стать? — спросила Аннушка сожителя своего, — а я ей что за

батрачка? Да по мнѣ, пусть бы они себѣ очи повыдирали; хоть бы вѣкъ ее, старую вѣдьму, чортъ за космы таскалъ, такъ я и слова не вымолвлю! Что она мнѣ, своя что ли? Да чортъ ихъ возьми, прости Господи!

Прикащикъ ну Аннушку свою уговаривать, упрашивать, приказывать, а та и пуще на дыбы: дошло и тутъ также до ссоры, до брани, до слезъ и чуть ли и не до рукотворнаго увѣщанія.

Тѣмъ часомъ старуха Евстигнѣевна и сама уперлась на своемъ: хоть ты ей зубы дергай! Да еще къ тому наговорила тебѣ всякой всячины съ три короба, и кучу негодныхъ рѣчей; напустилась ужъ не то что на старика, а на всѣхъ. Взяли ее міряне, да обще со старикомъ, съ Иваномъ Лапотникомъ, повели къ сельскому батюшкѣ. «Пусть» говорятъ «отецъ Панкратій разсудитъ и разберетъ васъ, и промежъ собой и съ Богомъ, пусть усовѣститъ и эпитимью наложитъ на старуху, какъ самъ знаетъ, ужъ теперь не наше дѣло, не мірское.»

Отецъ Панкратій сталъ увѣщевать старуху нашу, сталъ толковать ей, что она повинна мужа слушаться, сталъ говорить ей о мукахъ кромѣшныхъ и о наказаніи Божескомъ. «Ежели» говорилъ онъ, «дѣтище твое на тя руку свою подыметъ, то нечестивая рука эта костлявыми перстами выростетъ изъ могилы его; а буде жена востанетъ на мужа, хотя словомъ единымъ, языкъ закоснѣетъ у нея, либо сухота нападетъ; а на томъ свѣтѣ еще предстоятъ муки неисчислимыя, неописанныя! Что прикащикова Аннушка не захотѣла тебѣ, Евстигнѣевна–свѣтъ, примѣра показать, а послѣдовала твоему, такъ и это равно не годится и грѣхъ ей не менѣе твоего. Строптиваго Богъ караетъ. Пойдемъ къ матушкѣ, — а гдѣ матушка, дѣти? — Пойдемъ къ ней, она покажетъ вамъ примѣръ. И что стоитъ вымолвить: слава тебѣ, Господи! Славою возносить, славословить Господа подобаетъ во всякое время, во всякій часъ, и всякимъ помышленіемъ своимъ. Слава не нужна

Господу, намъ нужна слава Господня! — А гдѣ матушка, дѣти?»

— Матушка взяла вашу шляпу, батюшка, вашу новую, пуховую шляпу, — отвѣчали дѣти, — да пошла съ нею въ сарай, не то на сѣнникъ.

«Что такое это?» проворчалъ батюшка, «ужъ зачѣмъ матушка опять носится со шляпою моею? Этого–то я и не люблю; коли овесъ мѣрять либо пересыпать, такъ можно бы кажись, коли нѣтъ гарнца, взять покрайности старую, поярковую шляпу — а это что опять такое?..» и пошелъ, со всѣмъ причтомъ, искать по двору, по сараямъ, матушки; и старикъ за нимъ, и старуха за нимъ, и мірской народъ, что привелъ дурней старыхъ, всѣ — всѣ за нимъ.

А матушка въ это время дѣлала вотъ что: она подсыпала изъ новой хозяйской, батюшкиной шляпы, куръ своихъ; отсчитывая нечетъ яицъ, клала ихъ бережненько въ шляпу, и высыпала, не трогая руками, на гнѣздо, и сажала курицу. Дѣло это дѣлается въ тихомолку: оно глазу боится; и когда добрая хозяйка подсыпаетъ

да сажаетъ куръ своихъ, такъ этого никому въ домѣ и вѣдать не для–чего, и знать не надо. А тутъ пришелъ батюшка, да еще и старуха, да и старикъ съ карими, темными, цыганскими очами..... Матушка попадья выскочила съ сердцемъ изъ сарайчика, разсыпала и побила яйцы въ батюшкиной пуховой шляпѣ, всполошила курицу, которая было уже и усѣлась, а теперь подняла крикъ, закудахтала на все село, и матушка встрѣтила батюшку вопросомъ: «А вамъ чего тутъ надобно, вы чего здѣсь не видали?» Батюшка, смекнувъ теперь дѣломъ и разгадавъ загадку, не сталъ уже допытываться и доискиваться шляпы своей и обѣщалъ сей же часъ уйти и не мѣшать матушкѣ, коли она только скажетъ имъ скорешенько, не переводя духу: слава Богу, у мужика лапотки поспѣли!

Какъ приняла предложенiе это матушка–попадья, этого, чай, не нужно и сказывать: она думала, что батюшка на–чисто ряхнулся, такъ плохо улучилъ, принаровилъ онъ время, такъ не впопадъ заставилъ матушку сказать: слава Богу,

лапоть поспѣлъ! Матушкѣ–попадьѣ точно было не до того: и бѣдный отецъ Панкратій, сколько ни толковалъ, сколько ни уговаривалъ, ни просилъ, не только что самъ не добился никакого толку, но едва только безъ грѣха отошелъ отъ матушки, которая давно уже не гнѣвалась на батюшку такъ, какъ сегодня. Да и было за что, нечего сказать: ряхнулся старикъ — привязался, ни дай ни возьми, а вынь да положь, скажи да скажи: слава Богу, лапоть поспѣлъ.

Да и что же мнѣ водить снисходительнаго читателя моего какъ старца–слѣпца, съ камешка на камень, какъ красную дѣвицу съ кладки на кладку, чтобъ ей въ грязи подолу не подмочить; скажу да и отрѣжу, ужъ одинъ конецъ присказкѣ моей: и старикъ со старухой, и Аннушка съ прикащикомъ, и батюшка съ матушкой, всѣ перессорились за то же словечко, всѣ пришли подъ вечеръ во дворъ къ барину, который вышелъ мирить ихъ и подать благое наставленіе. Тутъ и мірской народъ столкнулся, и бабы сбились въ кучу, и

дворня въ пестрядевыхъ юпчонкахъ, да въ сѣрыхъ суконныхъ курткахъ, всѣ пришли почесаться да позубоскалить. Гдѣ ссора, гдѣ судъ, гдѣ драка, гдѣ покойникъ, гдѣ свадьба, гдѣ расправа, — туда народъ валомъ валитъ, черезъ тынъ лѣзетъ, заборы разбираетъ, кровли ломаетъ, какъ будто, прости Господи, тутъ на показъ для нихъ штуки выкидываютъ; идите въ балаганъ къ скоморохамъ, коли есть три пятака въ карманѣ, а коли нѣтъ, такъ поглядите–ка сами на себя!

И такъ, пришли всѣ они къ барину на дворъ, и баринъ ихъ судилъ, рядилъ, разнималъ, — «для чего не сказать: слава Богу, у мужика лапоть поспѣлъ? — Что за великое дѣло, и что за шумъ люди подняли! да жена моя, барыня ваша, скажетъ вамъ не запнувшись, не заикнувшись двадцать пять разъ сряду въ одинъ духъ: слава Богу! у мужика лапоть поспѣлъ! Ну, скажи же ты, душенька» обратился онъ къ плотной супругѣ своей, которая только что вышла на крыльцо подъ навѣсъ послушать, о чемъ идетъ толкъ и безтолочь, «скажи имъ:

слава Богу, лапоть поспѣлъ, да и наплюй имъ дуракамъ всѣмъ въ глаза!...» А душенька на это ему: — Вотъ дуру нашелъ — и сама, плюнуть плюнула, а сказать не сказала ничего, поворотилась да и ушла въ свои покои...

Я сказалъ уже, что полміра собралось на дворѣ господскомъ, слушать судъ и рядъ по уголовному дѣлу, гдѣ баба не хотѣла сказать спасибо за то, что у мужика работа съ рукъ идетъ, перессорилась сама съ мужемъ и перессорила вотъ уже третію чету — прикащика съ Аннушкой, батюшку съ попадьей, да барина съ барыней. На отказъ этой сказать: слава Богу, толпа глумно осклабила уста свои и барину стало досадно, ущемило его за живое; покинулъ онъ судъ и рядъ, пошелъ слѣдомъ за барыней, сталъ упрашивать ее, скажи да скажи, пожалуйста скажи; сдѣлай милость скажи; хоть мнѣ одному да скажи; сталъ гнѣваться и попрекать со дня на день и перебраниваться и побранился съ нею совсѣмъ, а она, какъ уперлась себѣ: не скажу, отвяжись — такъ и умерла черезъ

годъ со днемъ, Богу душу отдала и не потѣшила мужа, не молвила даже и на смертномъ одрѣ своемъ, о чемъ супругъ ея всѣми неправдами домогался, не сказала: слава Богу, лапоть поспѣлъ — и на этомъ дѣло кончилось.

Въ самомъ дѣлѣ, на этомъ бы дѣло и кончилось; барыню схоронили, баринъ потужилъ — и забылъ; поспорить и побраниться, не то кланяться да упрашивать: скажи слава Богу, у мужика лапоть поспѣлъ — не съ кѣмъ и не кого; такъ бы дѣло и засохло и пропало, и до насъ не дошло; да на бѣду у барина съ покойной барыней была и барышня, и — горькая чаша не миновала ея!

Барышня эта была — какъ и всѣ барышни — дѣвушка молоденькая, пригоженькая, умненькая: и была притомъ еще такъ называемая *безприданница*, дѣвица, которая и безъ приданаго не засидится. И не засидѣлась: нашелся женихъ, да и не вислоухій олухъ, что нашъ братъ, а щеголекъ, молодчикъ, хватъ женишекъ, какихъ немного изъ

губернскихъ городовъ въ глушь деревенскую завозятъ: женихъ съ брызжами, со свѣтлыми пуговочками, со цвѣтными запоночками, въ бархатномъ жилетѣ, хохолъ съ зачесомъ, подъ воскомъ да подъ лоскомъ, словомъ, кладъ женишокъ, который знаетъ съ котораго крыльца свахъ засылаютъ; который умѣетъ и притти, и присѣсть, и сказаться, и приголубиться. И просватали за него барышню нашу, умниньку, пригоженьку, и старикъ отецъ справлялъ пиръ на весь міръ, и праздновали это послѣ помолвки обрученіе.

«Дай Боже,» сказалъ одинъ изъ гостей свадебныхъ, близкій сосѣдъ нашему помѣщику и старинный пріятель его, «дай Боже имъ, молодымъ нашимъ, и того и другаго и всякаго прочаго инаго, а пуще всего мира и согласія, чтобы жили да поживали молодые наши, Парфентій Кузмичь, какъ сами вы изволили жить съ покойною Василисою Андреяновною — спаси Господь душу ея — какъ изволили жить съ нею, до неблагопріятнаго случая —

не тѣмъ будь помянута покойница — до несогласія, которому причина была ссора старой Евстигнѣевны со старикомъ Иваномъ Лапотникомъ, да ссора попадьи съ батюшкою, да быстроглазой Аннушки вашей съ прикащикомъ — дай Богъ прожить имъ, молодымъ, въ мирѣ и согласіи, хоть до золотой свадьбы своей, а тамъ — что Богъ дастъ! Дай Богъ Парфентій Кузмичь!»

— Какъ до золотой свадьбы? — закричалъ Парфентій Кузмичь, а тамъ на старости лѣтъ побраниться, какъ я съ покойницею своею, царство ей небесное! это не годится; дочь моя не такова: это дитя примѣрное, послушное, нравъ ангельскій, око мое, зеница моя! Наденька, сердце мое! слушай: скажи–ка жениху своему, и намъ всѣмъ, слава Богу лапоть поспѣлъ, скажи, не стыдись, душа; покажи, что ты неупрямая, что умница. —

Надинька глянула черезъ столъ на папеньку; поалѣла и потупила очи свои: слово, которое заставляли вымолвить ее, было ей въ душѣ ненавистно: она очень помнила, какъ родители ея за это слово

день за день ссорились и бранились; ей было такъ больно и грустно вспомнить это, что она рѣшилась бы вымолвить все на свѣтѣ, только не это. Этого губки ея не прошепчутъ ни за что. А тутъ еще и весь столъ, всѣ сотрапезники притихли, замолкли, ожидая рѣчи невѣсты, а тутъ еще и батюшка сталъ гнѣваться, да настаивать; а тутъ и женихъ въ куцохвостомъ гнѣдомъ кафтанѣ, подлѣ невѣсты сидя, сталъ упрашивать неотступно, привязчиво, настоятельно — скажи да скажи, коли любишь, такъ скажи; бѣдная Надинька въ слезы, въ плачъ, изъ за стола бѣгомъ въ свои покои, да и схоронилась въ постель и забилась подъ подушки.

«Скажи, коли любишь меня,» умолялъ хватъ голосистый невѣсту свою, не давая ей ни отдыху, ни покою, «если любишь, скажи!» — Не проси меня объ этомъ, коли любишь меня, отвѣчала Надя... — глядь тутъ вмѣшались и дружки, и свахи, и посаженая, и кумы со прикумками, и сваты.... Тутъ стали заступаться тетки, да бабки; а тутъ и отецъ сталъ кричать и

сердиться; а тутъ и женишокъ, золотой пѣтушокъ, масляная головка, сказалъ словечко невѣстѣ, сказалъ и нареченному тестю своему, — а женишокъ–атъ, вишь былъ изъ горяченькихъ; — сказалъ словцо — а слово не воробей, вылетитъ, не поймаешь; слово за слово — и кончилось на томъ, что гнѣдой кафтанчикъ, по вашему свѣтлокоричневый фракъ, и розовый бархатный жилетъ и манишка съ запонками, все это покатило съ женишкомъ домой — только запылился онъ, да помялъ кудри свои, да хохолъ модный въ двѣ четверти съ вершкомъ — покатилъ въ губернію, отколѣ пожаловалъ, и — свадьба растроилась, на этотъ разъ не состоялась!

О бѣдная безприданница! пожалѣйте объ ней, подруженьки!

Вотъ теперь моя сказка вся, на этомъ дѣло кончилось, и невѣста не сказала того, чего хотѣлъ отецъ и женихъ; слезками отдѣлалась, и отреклась, и не сказала. На этомъ кончилось дѣло — кончилось здѣсь у насъ; а что будетъ, коли и читатели и слушатели наши будутъ заставлять женъ и

невѣстъ вымолвить имъ въ угоду: слава Богу, лапоть поспѣлъ — что тогда будетъ, говорю — не знаю; я ни за что не поручусь; глядите, чтобы не началась таже сказка *про Ивана Лапотника*, опять сначала, и чтобъ не протянулась на вѣки вѣчные, какъ сказка *о костяномъ домѣ*, либо сказка *про солдата Яшку, да сѣрую сермяжку*.

КАЗАКЪ ЛУГАНСКІЙ